

Елена Сперанская

ВЕСНА
ПРИФРОНТОВАЯ
FRONTLINE SPRING

Исторический детектив с переводом
на английский язык

Елена Сперанская

**Весна прифронтовая. Frontline
spring. Исторический детектив
с переводом на английский язык**

«Издательские решения»

Сперанская Е. Б.

Весна прифронтовая. Frontline spring. Исторический детектив
с переводом на английский язык / Е. Б. Сперанская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904394-8

На фоне исторических событий Великой Отечественной войны рассказывается история семьи Нины: братьев, родителей, ее любви и постижения истины. Путь стрелковой дивизии, где служила санинструктором Нина, был сопряжен с тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю солдат и офицеров. Книга адаптирована автором, предназначена для широкого круга читателей, кто желает пополнить свой словарный запас разговорной лексикой и общеупотребительными выражениями. Все герои реальные люди, но имена и фамилии изменены.

ISBN 978-5-44-904394-8

© Сперанская Е. Б.
© Издательские решения

Содержание

ВЕСНА ПРИФРОНТОВАЯ	6
1. Дети полка	6
2. Выздоровление	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Весна прифронтовая. Frontline spring
Исторический детектив
с переводом на английский язык

Елена Борисовна Сперанская

© Елена Борисовна Сперанская, 2018

ISBN 978-5-4490-4394-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕСНА ПРИФРОНТОВАЯ

1. Дети полка

*Туда, где в каждом, каждом доме
Нас ждут родные и друзья...
Вперед, ребята! Близко Гомель —
Мой город, родина моя.*

П. Глебка

Подростки

Ослабевшие полки, растянутые на пятнадцатикилометровом фронте сражались самоотверженно и сумели остановить неприятеля. В штабе дивизии – в деревне Поляновичи – командир корпуса дал дополнительные распоряжения Коновалову по закреплению удержанного рубежа.

- Разрешите, обратиться, товарищ полковник.
- Так точно, товарищ комкор, обращайтесь.
- Рубеж взят. Разрешите идти.
- Приказываю всем полковым командирам: заставить врага сдаться.
- Так точно. Ваш приказ будет выполнен.
- Приказ генерала Долматова подтянуть Коробейникова и Семенюка.
- Так точно Коробейникова и Семенюка.
- Можете идти, на пра-на-ле-впе-е-еред ша-а-агом арш.
- Так точно, на пра-на-ле-впе-е-еред ша-а-агом арш.

К этому району срочно подтягивались части дивизии генерала Долматова. Умение воевать в сложной обстановке продемонстрировали тогда командир стрелкового полка, подполковник Коробейников, его заместитель по политической части майор Семенюк, все офицеры штаба.

Гитлеровцы обходили полк с флангов, и все же, во взаимодействии с подразделениями своего соседа по оружию, рядом атакующего стрелкового полка, он смог удержать рубеж Поляновичи-Погарки-Кошелевка.

Жаркие бои развернулись и в районе деревни Обидовичи – на левом фланге дивизии. Там воины другого стрелкового полка под командованием майора Небайкина в течение дня отразили пять вражеских контратак, уничтожив до двухсот гитлеровцев, четыре танка и штурмовое орудие.

Когда шторм бушевал всю ночь, вода в озерах закипала, перекатывая валуны.

Холодный ветер проникал под шинели. Седые полосы соединяли небо и сосновый бор, где трещал можжевельник. Эти шторма продолжались всю осень, вплоть до самого конца ноября. Противник привык к таким погодным условиям и продолжал наступать, теряя лучшие свои кадры, во взаимноизматывающих боях на болотах.

Так, с небольшого плацдарма в излучине Сожа, в Кормянском районе началось успешное наступление стрелкового корпуса, в результате которого войска третьей армии, выйдя к Днепру, выполнили свою оперативную задачу.

Это вынудило противника снять часть своих сил из района Гомеля и бросить их против третьей армии.

Именно на это и рассчитывало командование Белорусского фронта, выделяя дополнительное оружие, снаряды и провиант. Мощным ударом войска главной зенитно-артиллерийской группировки фронта освободили Гомель – первый областной центр Белоруссии.

Терпя поражение за поражением, гитлеровцы срывали зло на местных жителях. Участились расстрелы, угон на фашистскую каторгу в Германию.

В конце ноября сорок третьего озверевшие каратели ворвались в деревню Поляновичи. Они врываются в уцелевшие от бесчисленных пожаров дома, насиловали женщин, избивали стариков и подростков, согнали почти всех жителей на окраине деревни, выстроили в шеренгу и приготовились к расстрелу невинных жертв. Командир смотрел на часы и ждал точного сигнала времени.

Вовремя подоспели советские бойцы соединения дивизии и партизан, и тут же стали расстреливать самих карателей.

Крестьяне благодарили своих освободителей и приглашали в хаты.

В числе спасенных жителей оказались подростки-сироты Коля и Толя, которые устроили на болоте шалаш.

– Спасибо, сынки! – говорили счастливые люди, вглядываясь в лица солдат в надежде встретить знакомых.

– Отсюда через лес будут партизаны. Возьмите меня с собой. Я буду в разведку ходить, – попросился Коля.

– Так точно, взять парня в батальон. А мамка разрешила? Учти, на войне надо держать ухо востро. С нами переправлю к партизанам, – ответил комсорг Кругликов Василий.

– Возьмем с собой парнишку? – спросил Василий санчасть в лице Кати.

– Так точно, товарищ комсорг, – согласилась Катя, так как Нина в то время находилась в госпитале. – Пускай идет. На кухне помощники нужны.

Все прекрасно знали, что парнишка все равно убежал бы к партизанам, да еще дружка с собой прихватил.

– Так точно, парень смысленый. Из таких вот настоящие бойцы вырастают, – Таланов погладил ребенка по голове, а тот в одних штанах, телогрейке и сапогах хмыкнул и улыбнулся.

– Так точно, товарищ капитан.

– Только что в деревне были фашисты. И вдруг вы! Какая радость! Заходите, – особенно настойчиво приглашала одна хозяйка.

– Так точно. Спасибо, мамаша, надо двигаться вперед, прямой связи с командованием нет, а донесения передавать нужно, – ответил комбат.

Около деревни Хлевно гитлеровцы пытались контратаковать батальон, но безуспешно.

Отступая, фашисты бросили пушку. Двое солдат развернули ее и произвели несколько выстрелов по врагу. У деревни Тереховка потребовалось протянуть телефонную связь.

– Разрешите обратиться, товарищ комбат, вызывали на связь? – спросил солдат-связист.

– Так точно. Приказываю установить связь, – скомандовал командир. – Задача есть. Приказываю выполнять.

Солдат-связист Парамонов пополз с катушкой кабеля. Где-то на полпути его тяжело ранило. Истекая кровью, напрягая последние силы, воин продолжал тянуть линию. Но рана оказалась смертельной. Бой продолжался... В перерыв между перестрелками в батальон прибыл помощник начальника политотдела дивизии по комсомольской работе, старший лейтенант Моик.

– Поздравляю комсомольцев с вступлением в ряды ВЛКСМ, – сказал он, вручая членские билеты.

Боевой порыв нарастал. У деревни Березки разведчики Степанов, Гнатченко и Спиринов подбили, а затем сожгли вражескую автомашину с боеприпасами. Их наградили орденами «Отечественной войны 1 степени». Обнаружили у деревни Малая Зимница отходивший вра-

жеский обоз, взвод лейтенанта Кулаженка из противотанковых орудий открыл огонь и разгромил его. Батальону досталось около шестидесяти повозок с оружием, продовольствием и вещевым имуществом. О погибших узнавали позднее.

Хирурги медсанбата Черномордик, Каркачев, Софер, Кныш и Серебрянникова делали операции, не чувствуя усталости. Нине вытащили осколок от разорвавшегося снаряда. Операция проходила в госпитале и отняла минут десять. Она выпила сто грамм разведенного спирта и уснула. Когда открыла глаза, то все было уже позади. Старший лейтенант Каркачев серьезно посмотрел на свою пациентку и коллегу.

– Ваше счастье, что осколок задел мягкие ткани, – он показал кусочек металла величиной с желудь и протянул его Нине. – Возьмешь?

Все кружилось у нее перед глазами. Она слабой рукой взяла осколок в руку и внимательно посмотрела.

– Нет. Лучше пусть останется у вас.

«Сколько времени буду еще здесь?» – подумала она.

– Недельку придется потерпеть, – сказал Каркачев, читая ее мысли.

Нина снова закрыла глаза, пытаясь уснуть и вспоминая Кузнецова, в которого она влюбилась, как и любая бы другая на ее месте. Она размышляла о превратностях судьбы – своей собственной, Шуры, Вани, мамы и папы. В голове гудело что-то, и жгла мысль о скорейшем возвращении в строй.

На пороге палаты, которая представляла собой отгороженный простыней бокс, появился Кузнецов в шинели и без фуражки. На боку у него висел планшет. Он стоял в проеме двери, как в рамке картины боевой командир или полководец.

– Нина, как самочувствие? Жалобы есть?

– Никак нет, товарищ подполковник, – Нина была бледная.

– Выздоровливай и сразу в санчасть. Ать-два шагом-арш.

– Слушаюсь, в санчасть, – Нина была поражена, что подполковник навестил ее, надеясь вывести его на откровенность. – Неужели так заметно, что ранена? Операция прошла успешно, – спокойно проговорила Нина.

– Товарищ старший лейтенант, мы с тобой служим в одном полку. О наших отношениях все знают. Ты очень легкомысленная. Приказываю, лечись, – Кузнецов подошел к ее единственной койке в этом помещении, наклонился и поцеловал женщину в щеку. – Люблю и ненавижу!

На мгновение в палате воцарилась нестерпимая тишина. Помимо нее там за простыней на расстеленных на полу шинелях лежало десятка два раненых. У всех были осколочные ранения.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Мы еще потанцуем с тобой после победы, – Кузнецов очень переживал за самочувствие санинструктора. – Не сердись, дорогая.

– Так точно, товарищ подполковник, потанцуем, – она попыталась привстать, но не сумела и застонала. – Здоровая. Хоть завтра в строй!

– Приказываю лежать. Завтра выпишу тебя из госпиталя и переведу в санчасть, будешь перевязками заниматься, а сейчас постарайся уснуть, – он присел на край койки, наклонился ближе к ее голове и поцеловал крепко в губы.

Нина почувствовала прилив сил и ответила на его горячий поцелуй. Ей показалось, что их поцелуй продолжался целую вечность.

– Дома отосплюсь, а здесь вылечусь и опять в санчасть.

– Милая ты моя, боевая подруга, – глаза Виктора светились счастьем. – У нас пополнение: два подростка из местных. Они будут детьми полка.

– Передавай привет Кате и Таланову.

Кузнецов резко встал, вышел из палаты и направился в санчасть, чтобы распорядиться о завтрашнем приеме раненых и передать привет от Нины. Они как обычно ожидали машину для перевозки тяжелых больных.

Он шел в санчасть, а мысли роились у него в голове: «После вчерашнего боя потери небольшие, порядка трех раненых, включая Нину. Убитых нет. Значит, будем набираться сил к наступлению и освобождению Польши. Наши части успешно заняли Гомель. Вся Белоруссия к началу зимы будет освобождена. Победа над фашизмом обеспечит правильную расстановку сил».

Иван

После возвращения из дома Иван вернулся в родную часть. Его приезд был отмечен в журнале вновь прибывших. Он отложил на потом свои личные дела и отправился на совещание радистов для продолжения изучения маршрута следования.

Головные боли постоянно вызывали состояние усталости и недомогания, а ранение в ногу он забыл навсегда. Когда вошел в блиндаж, который был очень далеко от линии фронта, то подумал: «Сколько секретных сведений еще надо успеть передать в центр, а времени оставалось минимум час». Он открыл свой радиопередатчик, включил, нажал на кнопку «Пуск» и начал телеграфировать.

Главное донесение было: «Доехал благополучно тчк готов получать зпт отправлять радиogramмы тчк».

Он выключил устройство и стал ждать, пока начнется пиканье, чтобы записать донесение из центра. Возможно, ему потребуется час или два, а может быть и больше. Вдруг следом послышался сигнал приема сведений. Он включил ответ и стал записывать: «Разрешаю приступить к выполнению боевого задания тчк принять радиосигнал зпт открыть новый радиосигнал тчк».

Иван встал, походил по блиндажу, где лежали все полученные за его отсутствие радиogramмы, голова нестерпимо болела. Он сел на пенек и стал их пересчитывать. Оказалось более двухсот радиogramм. Это за две недели отсутствия ему прислали столько важных сообщений с переднего края боев. Как интересно получается, что у него остались все эти радиogramмы? А где сам радист, почему он не сидит и ждет здесь новых сигналов? У Ивана возникло ощущение отрешенности от всего живого вплоть до каждого рядового солдата. Они находились на передовой, а это тот самый старый радиопередатчик, рядом с которым и произошла эта схватка за жизнь. Но на полу не было ни трупов убитых, ни крови, ни других предметов напоминающих о его ранении.

Он стал вспоминать, что же было после. А это значит, у него отказала память и все, что случилось, он забыл, забыл свое место прежней дислокации, забыл, где находилась тогда часть, забыл даже свое новое направление в тыл противника. Он вытер пот с лица и стал раскручивать цепь дальнейших событий, измеряя расстояние через призму произошедших изменений на фронте: вот он увидел на карте, которая лежала на столе, свой почерк – очень мелкий и разборчивый, «буквы каллиграфически и аккуратно выведены, просматривается романтический и жесткий характер человека умного и любознательного». Так сказал его преподаватель юридического института, когда он сдавал экзамен по почерковедению для отправки в секретный отдел Абвера.

Но, увы и ах! Его миссия отправки в разведгруппу по линии Управления Юстиции прекратилась моментально, как только он попал на передовую второго Белорусского фронта. Он находился в непосредственной близости от Нины, когда она была отправлена из Ельни в этом направлении.

Сколько приятных воспоминаний нахлынуло на него о доме: «Зачем эта война нужна ему – молодому парню, у которого вся жизнь, может быть, еще впереди». Иван лег на лапчатый настил из веток сосны и ели и уснул, но внезапный звук радиопередатчика возвестил о том, что срочно надо принять радиограмму. Иван вскочил с лапника и случайно наступил на больную ногу.

Сильная боль пронизала его насквозь и показалась гораздо сильнее той боли, которую он испытал, когда получил ранение. У него появилось желание заглушить эти болевые ощущения рюмкой водки, как он делал дома. Иван не стал прислушиваться к этой минутной слабости, а постарался допрыгать на одной ноге до передатчика и взял прибор, который представлял собой телефонную трубку и аппарат без всяких видимых цифр или букв.

Этот аппарат носил название «радиотелеграф» и был использован для передачи сведений во всех направлениях от Камчатки и Владивостока до западной границы – Калининграда и Норильска. Чтобы быть в центре событий, ему достаточно было снять трубку и нажать на клавишу зуммера столько раз, сколько потребуется для определения своих координат. Иван стал нажимать эту клавишу и, наконец, у него появился ответ, который он так ждал в течение часа, пока спал в этом богом забытом блиндаже. Ужас! Сколько и каких интересных сообщений услышал он о продвижении своих и вражеских войск на западном направлении!

Он радостно стал записывать, что он находился в центральной части Инельских, то есть Брянских лесов, откуда рукой подать до расположения вражеской группировки. У Ивана кончилось терпение, и он стал докапываться до сути происходящего на передовой. Оказывается, войска Белорусского фронта освободили полностью Орел, Тверь, Калугу и подошли к Калининграду. Значит, у него был шанс найти свой стрелковый полк, к которому был приписан его отец.

Они были направлены в сорок первом в один полк, только в разные рода войск.

Афанасий непосредственно в стрелковый, а Иван оказался на переднем крае в группе разведчиков и парламентаров, заменяя своих убитых однополчан.

Он стал работать для определения места своей новой дислокации, чтобы с рассветом пешком или на попутных машинах попасть к своему комдиву Коновалову. Так как он был и непосредственным комдивом Нины, то они могли бы встречаться и помогать друг другу в несении этой счастливой миссии освобождения Европы от фашистских полчищ. Иван снова лег, но уснуть ему не удалось. Он встал, открыл банку тушенки, благо у него их было целых три, съел одну банку и, наконец, уснул, но ненадолго.

Часа в четыре стал пикать передатчик и передавать сведения, касающиеся его нового продвижения в тыл противника, в пограничную с Калининградом зону, примерно шестьдесят градусов северной широты, а долготу он должен был определить по своим часам и компасу, который он всегда носил с собой.

«Итак, решено, не стоит терять время понапрасну», – подумал разведчик.

Он встал, умылся из умывальника, который висел рядом с блиндажом. Вода показалась ему невыносимо холодной, и он налил себе во фляжку немного, чтобы размешать со спиртом, который у него оставался еще до ранения. Эту фляжку он перевязал и привязал к ремню кожаным жгутом, специально предназначенным для жарких стран, когда нельзя, чтобы металл касался тела человека, можно получить сильный ожог.

У Ивана было часов пять в запасе. За это время он мог доехать на любой попутной машине в штаб второго Белорусского фронта и отчитаться в проделанной работе, поэтому он взял компас и стал отсчитывать направление своего передвижения и выполнения своего главного задания, которое он получил: «Проникнуть на вражескую территорию, внедриться в стан врага и начать подрывную деятельность на всем протяжении военных операций на передовой».

Такая формулировка задания смутила его сразу и привела в замешательство. Каким образом он будет работать на вражеской территории без донесений из центра. Оказывается, ему присвоили специальный кодовый шифр, пароль класса двенадцать.

Новую разведгруппировку в запердельной территории он должен был найти по своему паролю. Представители его профессии узнавали своих коллег по четко обозначенным классификациям. Этот тип класса был записан у него в воинском билете, где значилась должность и место пребывания. Следовательно, у него был шанс узнать своих предыдущих товарищей по работе на основании этих сведений, которые хранились у каждого разведчика в секрете и были четко обозначены во всех ведомостях по линии Минобороны.

Иван просто нашел способ найти их месторасположение: он нажал на клавишу и получил ответ. У него теперь не было выбора, куда перемещаться, шел по направлению на северо-запад в тыловой гарнизон фашистской группировки Абвера, а затем с ними должен был переместиться на территорию Чехии и достичь Праги, где находились все лагеря Освенцима для освобождения военнопленных, где было порядка полутора миллиона или более человек за весь период войны.

Просматривая записи своего передвижения, Иван обнаружил, что все радиограммы и планы перемещения, которые он оставил в том самом блиндаже, сохранены.

Иван вышел на воздух из душной комнаты блиндажа и пошел пешком через лес. Идти на первых порах было легко. Нога не болела, только когда он сильно наступал, испытывал покалывание, поэтому он старался идти, спокойно переступая через каждую кочку или дерево, а их в этих лесах было множество.

Он знал, что помимо леса ему надо пройти две важные водные преграды. Плавать он мог на большие расстояния и переплывал в свое время Волгу.

Его рост и размах плеча позволял ему перекрывать расстояние в шесть километров в час, что было достаточно слабо для разведчика, тем не менее, он ускорил шаг, чтобы достичь границы затемно. Утром он пересядет на проходящий любой попутный транспорт.

Одежда гражданского сословия была в его вещмешке, которыми торговали во всех торговых точках планеты, без любых опознавательных знаков. Иван купил этот материал на рынке, где можно было купить официально абсолютно все: от орденов до золотых слитков. Интерьеры быта мало его интересовали, хотя он имел завидное представление о своих противниках по их изящным статуэткам, тканям с характерным клетчатым или полосатым рисунком. Другие типичные детали, присущие только интеллигенции врага, были у него в памяти.

В годы учебы он изучил два языка: английский и немецкий и пользовался ими легко на уровне разговорного быта. Словом, у Ивана была возможность перестать волноваться и воспользоваться услугами придорожного магазина, чтобы купить себе какой-то паек для дальнейшего нормального экономического существования в условиях военных действий в каждой точке этой части планеты.

Эльза Глюк

Иван вышел на приграничную территорию и остановился. Куда идти дальше он знал только понаслышке.

Вот быстро пронеслась машина с военнопленными, кого везли на работы на заводы Абверовской группировки на изготовление снарядов дальнего прицела и мин замедленного действия.

Совсем недавно эти простые граждане занимались мирным трудом в своих садах и огородах, возможно, они работали на заводах и фабриках Польши, Белоруссии, Украины или России. Кто знает, какие трудности они перенесли и сколько слез пролили, когда потеряли надежду на освобождение.

Значит, его миссия будет найти эту новую дислокацию Абвера и внедриться в нее в качестве военнопленного, а потом любым доступным или мало доступным способом обеспечить себе алиби, чтобы доказать, что он является простым гражданином Германии и желает вернуться к себе в фатерлянд для восстановления своего хозяйства.

Внешне он очень напоминал представителя славянской нации, но наличие документов и знание языка могли доказать обратное.

Такая постановка вопроса рекомендовалась всем представителям его специальности в вузе, чтобы выучить, чем дышат и как питаются враги, ему не надо было ходить в столовую запретного режима, куда пускали по специальным пропускам, и где принимались иностранные делегации. По соседству с ними в их старом доме жили семьи еврейских, немецких, польских, чешских граждан абсолютно одинаково приспособившихся к этой местности.

Ему трудно было назвать их соседями. Это были просто тетя Роза, тетя Поля, дядя Валериан и другие симпатичные горожане с проблемами и нуждами.

Одна семья славянских и немецких народов издревле населяли эти территории, и отличие было лишь в их иноязычном понимании действительности.

Они даже не прикладывали усилий, чтобы доказать свою принадлежность к определенному сословию, а выполняли свои обязанности с точностью до наоборот.

Их дети становились ремесленниками: печатниками, ткачами, литейщиками; врачами; учителями вузов и школ; продавцами и коммерческими агентами. Теми чье желание было мирно работать на благо своего народа.

Одежда Ивана давно приобрела вид представителя городской прослойки – интеллигенции. На нем были форменные ботинки со склада с названием непонятной фирмы, скорее всего итальянского производства или Сан-Марино, что собственно одно и то же, так как эта страна географически вписывается в ландшафт Италии. Он надел синие брюки в полоску по моде того времени, чуть укороченные и широкие, а в брюки заправил бежевую, фланелевую рубашку в клеточку. Сверху нацепил темно-зеленый, с тонкой, желтой полоской жилет.

На плечо повесил серую куртку американского производства, где на внутреннем кармане красовалась эмблема американской фирмы «Эдельвейс» для сотрудников всемирно-известной компании Форд. Получился такой фронт довоенного периода.

Свою прежнюю армейскую форму он зарыл в лесу, завернув в пакет от новых брюк, далеко от пограничной территории, а ботинки спрятал в коробку и положил в вещмешок, чтобы при случае продать за бесценок любому любителю армейской обуви.

Иван зашел в придорожный ресторан с обычным названием «Эссен». Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы перевести на русский язык это простое словосочетание как «еда» или «кушать» и знать о существовании названия такого города в Рейнской провинции. Возможно, хозяин жил где-то в тех местах или приехал, чтобы научиться готовить именно по рецептам той местности, где находился Иван в тот момент.

У него появилось желание зайти и войти в контакт с хозяйкой заведения, которая, впрочем, сама стояла рядом в грязновато-желтом, клетчатом платье на голое тело.

Непременным атрибутом «Эссен» были маленькие подсвечники с красными свечками на столах. Кроме того, были расставлены чашки на блюдцах, а между столиками сновали милотвидные и пышнотелые официантки в фартуках, такие же, как выглядели его любимые соседи по кухне. У Ивана стало легко на душе.

Он понимал каждое их веселое изречение. Ему принесли чашку кофе и рогалик с маком. Такой завтрак характерен для всей европейской молодежи, к кому Иван относился по полному разряду.

Собрав все имеющееся мужество в кулак, он заплатил за еду немецкими марками, поблагодарил: «Данке фройляйн» и вышел на улицу. Эти деньги выдали ему в самом начале подготовки к операции, и он хранил их в потайном кармане брюк.

Солнце начало припекать, и куртка оказалась абсолютно не к месту. Совсем забыв, что его миссия была внедряться в ряды немецкой молодежи, он вернулся и решил поцеловать руку девушке, которая его обслуживала.

Такая форма общения очень характерна среди всех эмигрантов Европы, Азии и Латинской Америки, когда хотят найти способ, чтобы завести личные связи среди местного населения. Но девушка обслуживала другого клиента, а оставаться и ждать, пока она удостоит его взглядом, было слишком долго. Поэтому Иван вышел на улицу снова и спросил по-немецки хозяйку заведения, он надеялся, что обращался именно к ней, где находится ближайшая гостиница, чтобы переночевать.

Хозяйку он назвал «фрау», на что она очень доброжелательно прореагировала и указала на противоположную сторону, где находился этот «отель» с ярким названием «Гер Хаус».

Иван перешел на другую сторону и зашел внутрь. У входа его встретил хозяин гостиницы «Гер Хаус» с очень приятной внешностью и хорошими манерами, но абсолютно пьяный, как гостю показалось с первого взгляда, хотя по разговору Иван понял, что эта напускная манера. На шее у хозяина висела цепочка с протестантским крестом без перекрытия и узоров.

Сам он был одет с иголочки в подобный, как и у всех уважаемых граждан в период войны, костюм. На нем был синий жилет, темно-серая рубашка и синие брюки с отворотами. У пояса брюк висела цепочка от часов, которые были заправлены в потайной карман.

Иван окончательно осмелел и заказал комнату с завтраком. Хозяин обрадовался посетителю и предложил каморку на втором этаже с видом на лес.

Это курортное место было популярно в мирное время для проведения выходных и праздников. Наконец Иван заплатил и поднялся к себе в номер, который был настолько чисто убран, что захотелось вернуться назад и поговорить с хозяином по поводу его желания остаться здесь дня на три. Однако хозяин и сам постучался осведомиться о настроении Ивана.

Документы гость держал в руке и сказал по-английски хозяину, что забыл их отдать ему, употребив французское слово «пардон» для улучшения общения. Хозяин взял «поддельные» английские документы в полной уверенности, что держит подлинник на имя Айвана, с ударением на первый слог, Мельц.

Поблагодарил и ушел с документами в руках, внутренне негодуя, что принял гражданина Великобритании за немецкого бурша.

Довольный хозяин возможностью пообщаться с иностранцем о своих военных делах напевал какую-то знакомую всему миру мелодию французского происхождения.

Иван расположился на небольшом диване, приспособленном к среднему посетителю или для женщины. Запас энергии и денег у него истощился, и он стал думать, как пополнить свои запасы, чтобы легче перемещаться дальше в стан врага.

Он вышел в коридор и увидел, как навстречу ему шел тот же благодушный хозяин с корзиной белья для посетителей. Он клал перед каждой дверью пакет с постельным бельем, чтобы получить надбавку к плате за жилье.

На этот раз Иван выяснил, что фамилия хозяина Глюк и у него две дочери Эльза и Эмма. Эмма была уже замужем за военным, которого забрали в армию, а Эльза была на выданье. Геру Глюк нетерпелось поскорее выдать младшую дочь замуж за приличного человека, и он всем рассказывал об этом. Но никто не реагировал.

Правда, один посетитель, по его словам, часто приезжал к ним и ухаживал за дочерью, то есть приносил хороший доход. Этого посетителя взяли в армию, как и всех мужчин. Эмма жила в семье мужа где-то недалеко от Мюнхена, она часто писала, а Эльза ей отвечала.

На эту переписку уходило мало денег, хотя и накладно для семьи из трех человек. Жена хозяина работала на противоположной стороне в качестве управляющей ресторана «Эссен». Это была очень зажиточная семья в мирное время, но на период войны налоги так выросли, что съедали всю прибыль.

Дочь работала в качестве официантки, а ее подруга, тоже официантка, была их крестницей. Они вчетвером выполняли всю работу по этим двум домам, где царил мир, а условия существования были вполне приемлемы для посетителей. За сезон они зарабатывали около шести тысяч марок. Этого хватало, чтобы помочь обеим дочерям и крестнице.

Для Эммы они высылали подарки, а Эльза и крестница Хельга получали гонорар за обед от посетителей ресторана в качестве чаевых, который как раз и был той частью прибыли, которую им давали в качестве гонорара.

Гер Глюк им практически ничего совсем не платил, а только требовал от посетителей расплатиться к завтраку, обеду и ужину в своем чеке за еду. Девушки ушли жить отдельно и приходили на работу к себе домой как вольнонаемные.

У Эльзы появился собственный магазин верхней одежды, которую она сама шила, так как была ко всему прочему прекрасной швеей, а Хельга зарабатывала тем, что продавала вещи, разнося их по домам как призы к Новому году, там же вкладывалась открытка и новогодняя игрушка, что очень радовало покупателей. Иногда они прикладывали шар, статуэтку в виде ангела, карандаш, пепельницу, трубку, свечку красного цвета, а то и просто полотенце или салфетку.

Такая новогодняя распродажа приносила хороший доход двум родственным душам. В этом заключалось их терпение ждать своего суженого, чтобы тот насрал на них хороший плодovitый год с ребенком в вертепе, который символизировал бы счастье и мир. Но время шло, девушки уставали на работе, дома бывали редко.

Каждый смотрел на них и не замечал, что они украшали к рождеству дом, стирали, мыли пол, гладили белье, готовили ради той последней, счастливой минуты, когда они покинут родное гнездо.

Ивану позарез нужно было жениться на одной из них, чтобы внедриться в стан противника. Здоровье его улучшилось за поездку, нога и голова были в порядке. Он отдохнул за эти три дня в герхаусе. Эльза нравилась ему особенно сильно. Она была на шесть лет старше него, опытная, крепкая и сильная (его менталитет приобрел нужный ракурс). Такой должна была быть настоящая женщина!

Временное его проживание затянулось на неделю. Он переехал жить через три дня к Эльзе, с разрешения отца. За это он заплатил своими ботинками, которые тот взял с удовольствием в качестве свадебного подарка родителям. А фрау Глюк, то есть мама Эльзы и Эммы, была довольна тем, что дочь устроила свою жизнь.

Хорошая жена должна нести свой крест до конца, рассуждала она и устроила молодым свадебный ужин с блинами, медом и грибами, собранными в лесу до войны. На свадьбу никто не пришел, кроме непосредственных членов их семей. Со стороны Айвана, по настоянию Гера Глюк, пришла крестница Хельга. Теперь Эльза стала фрау Мельц. Так произошла адаптация русского разведчика

Их расписали в местном муниципалитете или депутации, как кому нравилось называть. Иван остался жить у Эльзы еще на неделю. За это время его призвали в фашистскую бригаду Абвера, куда он должен был внедриться.

Афанасий

Афанасий приехал на фронт на третий день войны. Получил повестку и на второй день отдал жене, чтобы она ознакомилась. Он пошел в военкомат сразу с вещами и встал в очередь на регистрацию. Ему предложили сидячие места в жестком вагоне, на что он сказал, что готов на любые сложности в поездке, потому что предпочитал путешествовать с семьей, где каждый волен был поступать, как тому вздумалось.

У Афанасия взяли партбилет и паспорт, выдали приписное свидетельство, и он пошел на вокзал, чтобы успеть на проходящий в Белоруссию поезд. Когда он сел в вагон, то его проверили и разрешили занять верхнее лежачее место, он сначала отказался, но потом согласился ввиду отсутствия каких-либо других мест сидячих или лежачих.

Проводница – молодая казашка – принесла ему белье, чай и села рядом, чтобы расспросить о семейном положении. Афанасий был настолько хорошо осведомлен о женских слабостях на предмет мужской красоты, то разговорился с проводницей о погоде, ценах на рынке, узнал о продвижении военных действий в стан противника, а только она отошла от него, залез на вторую полку и уснул, чтобы больше не возвращаться к вопросу о семейном положении.

Жена его никогда не ревновала, так как знала, что он человек совершенно другого плана. Поженились они, когда им было по восемнадцать лет, ему было чуть меньше, а ей чуть больше. Разница составляла буквально в полгода, поэтому они считались ровесниками.

На станции Узловой Афанасий вышел и пошел в здание вокзала, что находилось на противоположной стороне. Он чуть не опоздал, когда догонял поезд. Наконец догнал, сел и еще долго тяжело дышал, боялся, что «высочит сердце».

У него было отличное здоровье, крепкие нервы и он всегда предусматривал все заранее в силу своей профессиональной привычки готовиться к работе по всем правилам «бухгалтерского учета». Он работал бухгалтером и в Сибири, в Барнауле и в Саратове, в радиокомитете, откуда и был демобилизован.

Однако вся его прежняя жизнь была полностью посвящена семье и детям. Он играл хорошо на гитаре, пел, умел загадывать загадки, различал всех своих детей по способностям.

Они тоже переняли у него хорошие привычки участвовать в домашних концертах и викторинах. Его радовали их шутки и веселье во время Нового года и Рождества. Это вносило некое разнообразие в их совместную жизнь с Анной.

Любовь у них случилась на сеновале, когда они отдыхали со школой в лесу. Они забрались случайно на крышу ее дома, а оттуда перешли в окошко на чердак, где было наложено сена для просушки. Афанасий лег на сено и стал звать Анну, чтобы она помогла ему выбраться оттуда.

Но Анна совсем не собиралась его вытаскивать, а стала кричать, чтобы он ушел из их дома. Тут появился ее строгий отец, еврей по национальности, и выпорол Афанасия до крови. С этого дня они стали лучшими друзьями с Анной и постоянно лазили на тот чердак, где и занимались любовью от души и тела.

Когда Анна забеременела, то Афанасий сразу пришел в их дом и сказал, что готов жениться на Анне, чтобы отец не ругал девушку за плохое поведение. Это значит, они стали настоящими мужем и женой. Их обвенчали в церкви, она взяла фамилию мужа, Мельченко, и они поехали в свадебное путешествие по деревне на велосипеде. Афанасий любил вспоминать этот период их совместной жизни и нередко ставил в пример родителей своей жены.

Семья Анны была очень зажиточной, у них был большой дом, участок земли, и они торговали недвижимостью, которую привезли из Белоруссии, откуда переехали еще до революции семнадцатого года прошлого столетия.

У Афанасия семья тоже была обеспечена всем необходимым для жизни, но они мало уделяли внимания самостоятельному ведению хозяйства, и вскоре семья разорилась. Этот факт наложил тяжелый отпечаток на жизнь Гриши, Нины, Ивана и Шуры, которые родились у них вскоре с небольшими промежутками в два-три года. Семья пополнилась детьми, но и дом пополнился хорошими делами.

Дети стали работать по дому и помогали Анне выжить в период цинги, эпидемии брюшного тифа, которая охватила всю Дальневосточную область. Когда Гриша умер в четырнадцать лет от тифа, все полетело прахом.

Жизнь в Сибири стала настолько тяжелой, что вся семья переехала в Саратов, чтобы дальше существовать и работать в сфере «бухгалтерии и экономики», так Афанасий называл свой карьерный рост. Он окончил высшие экономические курсы и стал образованным человеком.

Анна окончила курсы бухгалтеров и медсестер. У нее было два образования, так как в еврейских семьях принято учиться, пока ты не станешь зарабатывать хорошие деньги, чтобы прожить безбедно дальнейшую жизнь. Ее краткого образования хватило, чтобы содержать семью и мужа, пока он учился в институте экономики.

Следом за Гришей умерли родители и Анны, и Афанасия.

Они были похоронены недалеко от их старого дома в Барнауле, где прошло их счастливое детство, и где они научились работать, ходили в школу, которая находилась в самом центре города. Им приходилось добираться туда на телеге, чтобы не увязнуть в грязи.

Таким образом, их желания полностью совпадали с желанием родителей уехать из этого старого, в свое время нового и красивого крова, где время летело так «быстротечно и искрометно», что вся семья никогда не вернулась туда. И так, за это тяжелое время они заплатили жизнью родителей и старшего сына, чья могила стала для них символом страха и ужаса.

Дети были нормально воспитаны, вежливые, спокойные, симпатичные, особенно...

«Не было никаких особенностей у этих курчавых смазливых чертенят», – так постоянно говорила Анна, когда укладывала их спать, опасаясь, что кто-то из них станет или военным, или инженером, или врачом, что и получилось на самом деле в конечном итоге.

Отличие составляло лишь то, что они были разными в возрасте, но все отлично разбирались в еврейских традициях, отлично владели, кроме русского, тремя языками: украинским, английским и немецким и всегда отмечали и еврейские, и русские праздники всей семьей. Прятались, бегали по дому, искали «афикоман», то есть последний припрятанный кусок хлеба. Никогда не обращали внимания на соседей, а просто отдавали должное их еврейскому богу Варавве. В церковь ходили очень редко, а потом и совсем прекратили.

Наконец поезд подъехал к станции назначения через сутки. Все время Афанасий или спал, или играл в карты с соседями, что он часто делал дома, когда они жили в Сибири. Он научился так отменно играть, что мог проиграть все состояние, но играл не на деньги, а на интерес. Скоро его талант картежника заметила Анна и запретила им вообще брать в руки это бандитское ремесло, и они поняли ее с одного взгляда на предмет игры.

От скуки они стали учиться играть на гитаре, скрипке, барабане и пианино. У каждого был свой любимый инструмент, но этого было мало.

Дети научились танцевать и петь хором. Братское отношение между ними принесло свои плоды, дети любили семью безотчетно и легко. Прошлое пронеслось и осталось только настоящее и будущее. «Так, кое-что», – как обычно мудро говорила Анна. Ее слова врезались в память детей особенно ясно. Мысли Афанасия блуждали по всем направлениям фронта, и это было тяжело понять, где же надо выходить.

Он вышел на первой ближайшей станции к Белоруссии и отправился в санчасть, чтобы выяснить свое самочувствие в надежде, что его положат в больницу из-за колик в животе, но ему отказали в последнем героическом желании воевать. Отправили с проходящей машиной в тыл противника, но по дороге ссадили и дали приписное свидетельство об отъезде домой и возврате в часть.

Наконец, он получил, что хотел – свободу выбора. На это он отреагировал положительно и опять пошел в военкомат, но уже с новым приписным свидетельством. Такие управленцы были бестолковые, что дали ему опять приписное свидетельство.

Он спрятал документ и отправился своим ходом на перекладных в часть, где располагался его старший сын – Иван. На этом приключения Афанасия не кончились, он принимал

радиограммы вместе с сыном, воевал в окопах и получил много орденов и медалей за всю службу, но не разу не предавал себя!

Искал золотую середину. Как-то странно выходило, что его планшет, который ему вручили в самом начале войны, был настолько истерт, что вряд ли мог служить образцом для современных планшетов, ай-падов и другой компьютерной техники. Теперь он стал бы скорее экспонатом краеведческого музея. При всем своем желании работать и воевать, у Афанасия была еще одна заветная мечта – начать жить по совести, так как Анна постоянно ругала его за бессовестное поведение «с каждым днем все хуже и хуже».

Он ответил, что война расставит все точки над «и». Следовательно, у народа будут и деньги, и силы жить, как они хотят без всякой указки на другие государства. Вот теперь у нас появилась возможность рассказать об их третьем ребенке – Шуре, но у нас нет таких шансов описать его отдельно от его отца, который служил в той же пехотно-танковой роте вместе со своими детьми. Они работали постоянно втроем и научились так понимать друг друга, как никто другой, и никто не знал, что они на самом деле не однофамильцы, а родные дети Афанасия.

Нина прекрасно знала путь, но специально отделилась и постоянно переживала за их жизни, как и за всех чужих мужчин вместе взятых. Ее интерес сосредоточился на Кузнецове, встречи были настоящим праздником самопожертвования.

2. Выздоровление

*И о полках победоносных,
Что в прах повергли вражью рать
Шуметь родные будут сосны
И гимны славы им слагать.*

Я. Смеляков

Выписка из госпиталя

«В боях междуречье Сож и Днепр героически отличились сержант Чемодуров Вячеслав и старший лейтенант Винниченко Петр. Им были присвоены звания Героев Советского Союза. Они доползли до вражеского тыла и обезвредили огневые точки. Приказом Верховного Главнокомандующего двести восемьдесят третья Краснознаменная стрелковая ордена Суворова дивизия в числе других соединений и частей была удостоена почетного наименования „Гомельская“, – прочитала Нина в военном листке, который им принесли в госпиталь Катя.

Она рассказала, что всех выстроили на территории части, и Коновалов разъяснил ситуацию на фронте.

Таким образом, Гомель был освобожден в ноябре сорок третьего года войсками Белорусского фронта, где служили Афанасий, Иван, Шура и Нина под командованием генерала армии Рокоссовского.

В госпитале все проснулись рано. За простыней в палате некоторые солдаты уже встали и ели хлеб со сгущенкой. Их настроение было боевое. Нина услышала диалог:

– Слушай, земляк. Мы с тобой еще в Берлин на танке приедем...

– А я и пешком. Наша пехота первой попадет.

– Давай за победу.

– Давай, – Нина услышала, как они чокнулись фляжками.

Нина опять уснула. Ждала писем из дома от мамы. Рассказывать о контузии не хотела. Часа через два к ней пришел Кузнецов и на свою ответственность забрал женщину в часть. Рана начала заживать, но идти было все еще больно, и Нина опиралась на руку Виктора. До санчасти было близко, километра два, так как госпиталь располагался в одной из освобожденных деревень. Они пришли в медсанбат, который находился в одном из заброшенных домов. Печка была уже жарко натоплена, и Катя сварила картошку, оставленную хозяевами в погребе. Таланов нарубил дров. Всех раненых положили у печки на лавку. Сами санинструктора сидели около стола и ждали Нину.

– Давайте отужинаем. Возможно, завтра выступим в поход, – предложила Серебренникова, когда Нина с Кузнецовым появились в дверях.

– Так точно, Катя, – Нина присела на самый край самодельного табурета. – Мы только чайку попьем и все.

– Отставить один чай. Картошку наварила целый котелок. Садись, есть будем, – Кузнецов сел за стол и помог Нине устроиться рядом.

Коновалов часто вызывал подполковника, чтобы тот докладывал о состоянии дел в дивизии. На этот раз Кузнецов отправился проверять состояние боевых отрядов, а женщины легли спать.

Часовые были на местах. Вернулся подполковник через час весь заледенелый. Зима сорок четвертого была крепкой и, как это обычно бывает в Приднестровье, непродолжительной. Морозы, поначалу сковавшие землю, уступили место метелям и выюгам.

Дивизия готовилась к решительному удару и переходу государственной границы. Надо было организовать бойцов, научить новым методам войны, запастись всем необходимым для дальнего марша. Командование разрабатывало план стратегического значения.

Майоров и Заплатин вели активную работу в дивизии по ликвидации очагов возгорания при попадании зажигательных бомб. Все знали, что надо засыпать место песком или земляной пылью, поэтому всегда это занятие проходило весело и с шутками. Кто-то доставал губную гармошку и весело наигрывал, кто-то писал письма домой. До весны было далеко, но ее приближения ждали с нетерпением.

...Время от времени небо затягивалось снеговыми тучами, шел сильный, колючий снег. Видимость резко ухудшалась от снеговых хлопьев. К ночи заметно холодало. Иногда снег прекращался. Палатки начинали резко хлопать под ударами шквального ветра и жалобно скрипели опорные столбы. Как натянутые струны звенели вновь проложенные провода связи.

Пурга

Мрак опустился на зимний лагерь, когда, наконец, под вечер вернулись разведчики. Пронизывающий насквозь ветер мешал солдатам готовиться к походу и спать в окопах после тренировочной подготовки к наступлению. Часовые с усилием различали друг друга сквозь белую завесу снега. Коновалов лежал, устремив глаза в потолок палатки.

По опыту командир знал: метель продлится еще недели две, а то и три. «Шквальный ветер может сорвать палатки, вырвать с корнем деревья, разрушить временные навесы. Надо сообщить всем командирам, чтобы укрепили опоры палаток», – размышлял комдив.

Он подозвал дежурного старшего лейтенанта, комсорга Василия Кругликова, вызвал Кузнецова и приказал сообщить всем постам: «Крепче установить опоры палаток».

– Так точно, товарищ полковник, – Кузнецов ушел проверять палатки.

Он обошел весь лагерь. Все палатки раскачивались от порывов ветра, но стояли крепко. К утру, пурга разыгралась всерьез, ветер набрал полную силу и сорвал три палатки. Люди оказались на открытом воздухе.

– Старший лейтенант, – Кузнецов заметил Кругликова и обратился к нему.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Приказываю укрепить опоры палаток. Пурга разыгралась.

– Так точно, надо позаботиться об остальных крепежах.

Они вместе стали помогать солдатам и поднимали перевернутые брезентовые палатки, но палатки продолжали падать на снег.

– Приказываю, всем у кого палатки перевернулись, разойтись по орудиям, – скомандовал Коновалов. – Командиру взвода Субочеву проследить за исполнением приказа.

– Предупредите всех, чтобы крепче укрепили опоры, – скомандовал Кругликов.

Солдаты, преодолевая сильные порывы ураганного ветра вместе с командирами, устанавливали опоры.

От ветра и снега ткань обледенела и стояла колом. Снежная крупа больно била по лицу подполковника и набивалась ему за шиворот. Он вспомнил погибших родителей и с еще большей силой стал помогать солдатам.

«Второму батальону сейчас труднее всего. Они находятся на отшибе. От них до танков метров двадцать. Если успею добежать и предупредить их, то они будут спасены от капризов погоды. Срочно туда», – решил Василий и стал на лыжах пробираться ко второму батальону.

– Всем обвязаться веревками! – крикнул Василий солдатам. – Конец – мне. Пойду вперёдсмотрящим!

Солдаты крепко ухватились за веревку и медленно двинулись вперед. Снежная буря была преодолима. Когда добрались до танковой бригады и бронетранспортера, разместились по машинам и выступили в поход по направлению к государственной границе.

Время было ограничено. Пехота следовала за ними на лыжах.

– Не спать, товарищи! – закричал Кругликов, зябко поеживаясь в бронетранспортере. – Ну-ка, братцы, споем нашу, походную! Запевала затягивай! А мы все вместе подпоем...

Измученные, озябшие солдаты уже начали дремать, склонив головы на грудь. Еще немного и ими овладело бы забытие. Тогда и обморожение подкралось бы случайно.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Запевала, приложил кулак ко рту, откашлялся и хрипло затянул революционную песню. Солдаты вторили. Пропели еще русскую народную «Солдатушки, браво, ребяташки...», выпуская изо рта клубы пара. Сон как рукой сняло. Вдруг бронетранспортер остановился, увязая по смотровую щель в снегу.

– Дальше дороги нет! – сказал механик Андреенко. – Мы у развилки, всю дорогу занесло, – он с тревогой взглянул на командира батальона Кузнецова, стараясь угадать ход его мыслей, с силой открыл заледеневший люк и выпрыгнул из машины.

– Ничего не видно, – прокричал он в пустоту. – Сплошные заносы.

Солдаты напряженно притихли, дожидаясь приказа. Светало...

– Приказ: всем из машин разгрести путь. Иначе увязнем по уши, – Кузнецов взял в руки маленькую лопатку, и сам стал откапывать танк.

Все повыскакивали из машин и принялись, кто, чем мог, счищать сугробы. Механик пробовал сам нащупать путь. Они счищали снег, не покладая рук.

Кузнецов прикладывал максимум усилий. Когда бросил лопату слева от себя в грузовик, заметил, что руки у него дрожали. Он вспомнил Нину: «Как бы мне хотелось сейчас обнять и поцеловать эту замечательную женщину!» Он достал планшет и стал чертить путь.

– Поворачивай вправо. Через час езды будет населенный пункт, – сказал Кузнецов механику, вместе с кем разглядывал карту маршрута. – Мы первые, за нами следует весь дивизион.

– Так точно, – Андреенко сел за руль бронетранспортера.

Узкая колея заметно расширилась, и можно было различить следы проезжавших машин. Бронетранспортер тронулся с места медленно и лениво. Завывание бури слышно было сквозь гул мотора. Ураган длился трое суток.

Никто не получил серьезных травм кроме синяков, оставленных веревками и ушибов от падений на корку наста. Все колени покрылись запекшейся кровью. Солдатский неприкосновенный запас из продуктов питания был цел.

– Дивизия пополнилась людьми и техникой, – докладывал Кузнецов на заседании штаба. – Накануне наступления в нее влилась большая группа местных партизан. Стало известно, что в Могилевской области действовали около пятидесяти тысяч народных мстителей. Войска установили с ними связь. Партизанские отряды более четырех тысяч человек базировались в лесу около деревни Барсуки. Здесь же находилось несколько тысяч мирных жителей.

– Гитлеровцам удалось блокировать лес, – докладывал один из бригадиров разведчиков, старший лейтенант Немирчий.

– Людей необходимо спасти, – приказывал Коновалов. – Приказываю саперам прочесать местность.

Подполковник рассказывал то же самое санчасти, куда он заходил периодически и узнавал о самочувствии Нины. Санчасть последовала впереди всех.

Они помогали тем, кто падал. Раненых они оставили долечиваться в госпитале, которых переправляли на большую землю в машине.

Тех, кто попадал под автоматную очередь, поднимали на телегу, тут же перевязывали, и везли с собой до ближайшего населенного пункта хоронить.

Нину Кузнецов перевез окружным путем на машине, а потом долгое время она лежала в телеге. Когда дня через два ей стало легче, и рана перестала сочиться, она сошла с телеги и пошла пешком. Идти было очень тяжело.

– Старший лейтенант Мельченко, приказываю, не отставай, – часто повторяла Катя, хотя сама еле двигалась из-за постоянного снегопада.

– Так точно, санинструктор Серебрянникова, вперед ша-а-агом арш. Шире шаг. Левоу, левоу, – Нина смеялась и, кутаясь в шинель и шапку ушанку, ускоряла движение вперед, слегка прихрамывая.

В декабре сорок третьего пятеро партизанских разведчиков переправившись через Днепр, вышли в районе деревни Обидовичи. Им помогли связаться со штабом партизанского движения, который располагался под Гомелем.

– В районе Барсуков находится фашистская часть с танками и пулеметами, – доложил партизан Томашов.

– Они готовятся к наступлению, – подтвердил разведчик Чистый.

– Оставайтесь в дивизии, будете с нами воевать, – предложил командир Кувшинников.

Накануне наступления третьей армии из состава разведроты отобрали группу во главе со старшим сержантом Утукиным. В нее кроме бойцов Трусова и Мышкарева вошли также бывшие партизаны Томашов и Чистый.

Командировка домой

В конце июня по приказу командира корпуса наступавшие войска сосредоточились в двадцати километрах западнее Хомичей, продолжая преследовать врага. Жара стояла нестерпимая. Воды мало. Добытую воду ночью в родничке отдавали раненым. Сопровождать их в тыл доверили Нине. Это совпало с предоставлением ей двухнедельного отпуска.

– Пожалуйста, не волнуйся. Останусь живой, – Кузнецов провожал Нину и постоянно повторял. – Вернешься, отпразднуем победу и устроим банкет, поэтому торопись возвращаться. Приедешь домой, напиши, как доехала. Будем еще танцевать на Красной площади или поедем в Берлин на своей машине, увидим салют в честь празднования, – поцеловал Нину в губы и прижал к себе. – Вот тебе кисет на память, – он достал из кармана галифе красный кисет и вручил ей.

– Нет, товарищ подполковник, наши жизни связаны войной. Забудь обо мне, если сможешь, – Нина обняла и поцеловала Кузнецова в щеку. – За кисет спасибо, что ты меня помнишь, – она взяла кисет в руки и положила в него малую упаковку махорки из вещмешка.

– Дорогая, когда возьмешь кисет и закуришь, представь, что я живой. Моя жизнь связана только с тобой.

– Какая страшная эта война! За все прожитое в эти изнуряющие годы лишений, голода, холода, артобстрела и постоянного страха за свою жизнь мы достойны памяти потомков, – с этими словами она еще сильнее прижалась к нему, села в кабину грузовика и заплакала.

Раненых погрузили в машину, на которой Кузнецов прибыл, но остался в полку, чтобы шофер довез до ближайшей станции этот ценный груз.

Нина уже ничего не слышала, так как машина с ранеными отъехала, и она махала ему рукой, а слезы катились по ее щекам: «Больше никогда с этим человеком не встречусь. Кто

отъезжал в отпуск, тех потом отправляли в совершенно другую часть, а это значит, что и я потом попаду в другой полк. Возможности встречи на фронте не предусмотрены», – рассуждала она всхлипывая.

Когда Нина и Виктор прощались, то все вежливые и, возможно, нужные слова вылетели у нее из головы. Она хотела ругаться с этим прекрасным человеком от злости. Ветер собрал ее мысли и отнес их куда-то в Турцию на берег Средиземного моря, где они разлетелись по пляжам Клеопатры из ракушечника на всем южном протяжении этого государства, с его изумительной природой, трудолюбивыми местными жителями и отелями, заполненными итальянскими художниками, на пять теплых морей Италии, Кипр, Испанию, Португалию, Кубу. Затем опять в Италию.

Однако все раненые были доставлены в Саратов. За весь путь следования на поезде до дома, после перекладывания раненых из машины в плацкартный вагон, Нине едва удалось один раз поспать часа два. Весь день и всю ночь поездки поила бойцов, прикладывая к их губам кипяченую воду, заправляла постели, делала перевязки, давала некоторым спирт для облегчения страданий, чтобы они заснули.

Троих, кто скончался в поезде, в тот же день похоронили, а для остальных жизнь потеряла всякий смысл без фронта. У всех были ранения в конечность или в другие части тела. Они были в сознании, надеялись вернуться в строй.

Когда стали подъезжать, сердце так сильно билось, что чуть не выскакивало из груди. «Буду помогать маме. Отосплюсь. Встречусь с подругами», – думала Нина в поезде, когда курила в тамбуре из своих старых запасов из красного кисета, который ей подарил Кузнецов, как лучшему бойцу за проявленную доблесть и героизм во время работы в санчасти. Часть раненых, которых она сопровождала, были размещены в школе. Другие в бывшем частном особняке, там, где трудилась мама Нины. Они работали вместе посменно.

– Ну, дочка, поживешь дома, отвыкнешь от выстрелов и взрывов, – ободряла Нину Анна. – Ваня и Шура были тоже в увольнении дома не так давно в начале мая. Ваня женился на Эльзе Глюк. Она полячка германского происхождения. Они приедут домой после победы. За отца волнуюсь. Пишет очень редко. Спасибо, навестила. Я так рада, так рада!

– Не надо, мама, – просила Нина, заметив на глазах у Анны слезы. – Срочно надо сходить в военкомат и узнать. Возможно, отец ранен и еще не успел написать. Писала редко, потому что хотела сама приехать, – про ранение и контузию Нина промолчала, но Анна все поняла без слов, потому, что дети, когда спотыкались или заболели, всегда бежали к ней со слезами и болячками, да и Афанасий любил изредка жаловаться на свое крепкое здоровье, говоря: «Опять заболел или опять простудился, сколько можно говорить, что я без тебя никак не знаю, что делать или куда идти потом, если у меня болят ноги, руки, живот, а иногда и голова», а она ему всегда отвечала: «Перестань жаловаться, а лучше займись своим здоровьем конкретно без обид на меня или детей. Они сами не знают, что творят эти малолетки. Ты совсем перестал ходить на работу из-за своих жалоб на здоровье. Да и откуда у нас будут деньги, если ты посещаешь банк, а не грузишь мешки на набережной». На что он всегда отвечал: «Вот подрастут внуки и пойдут грузить мешки с мукой на набережной, а мне и так хорошо без твоих советов».

Затем он начинал изучать язык эсперанто, который, как он говорил, выучил в Сибири за один день и переписывался со всем миром, начиная от Австралии до Новой Гвинеи, Канады и США, Нью-Йорком, надеясь узнать причину своего заболевания. Потом отставлял в сторону тетрадь, словарь и записную книжку с кропотливыми заметками, выпивал рюмку водки или сухого вина, что было в наличии в высокой горке, образца сорок пятого года, купленной, а потом привезенной кем-то из Сибири, мебели, которой торговал отец Анны, и ложился спать.

После этого на другой день его головная боль полностью проходила, и он опять шел на работу бухгалтером в банк, как раз напротив их дома, прямо через дорогу.

– Дочка, расскажи, о себе, долго ли еще придется воевать?

Анна интересовалась самочувствием дочери по дороге домой.

– Враг отбит до самой границы, – Нина вспомнила Зуша, Сож, ранение, сожженные деревни, освобожденные города, Таланова, Катю.

Дома в просторной пустой квартире Нина чувствовала себя одиноко. Соседи сразу узнали об ее приезде и собрались вечером отметить это событие.

Две недели пролетели. Пришло письмо от отца, где он писал, что их часть перебросили ближе к границе, едва нашел время для писем, был очень занят. Нина успела на улице случайно встретиться с Ирой и ее мужем, но они не разговаривали, а только посмотрели друг на друга и прошли мимо. Нине стало обидно и стыдно. Все время Нина продолжала дежурить в госпитале, куда были доставлены раненые. По ночам сидела дома, записывала в дневник события прожитого дня и смотрела на кисет, подаренный Кузнецовым в день их расставания в госпитале. Этот кисет красного цвета и дневник Нина хранила, как зеницу ока.

Возвращение на фронт

В день отъезда на вокзале было много новобранцев и таких как Нина. Возвращались солдаты из госпиталей. Когда прибыла в свою часть, Нина ощутила облегчение, даже подъем. Неужели и к войне можно привыкнуть? Просто кончились у нее дорожные тяготы. От Москвы до дивизии добиралась на попутках, несколько раз пришлось голосовать. В дивизии сразу нашлось дело: идти в разведку с батальоном. Нина кинулась в полевой госпиталь, приглаживая растрепавшиеся волосы, и, кивнув Кате, подошла к ней.

– С приездом. Как дома? – интересовалась Катя, заметив смущение подруги. – У нас разгар работы. Три дня танки расчищали путь пехоте.

– Пришло письмо от отца в середине мая. Давно это было... Они уже совсем близко к границе. А мне завтра с батальоном в разведку, – сказала Нина и улыбнулась.

Здесь в маленьком блиндаже, вырытым, видимо артиллеристами было сыро и пахло лекарствами. Всех раненых переправили на большую землю.

Остальные обходились медпомощью прямо на воздухе: вывихи, порезы, ушибы, сотрясения, укусы ос или пчел, огнестрельные ожоги от взрывов бомб или гранат доставляли санчасти много забот.

Болезнь инфекционными заболеваниями было некогда, когда звуки победных маршей уже витали в головах солдат.

– Наверно, интересуются, когда войне конец? – спросила Катя и присела на край лавки.

– Еще как спрашивают!

– А с продуктами как?

– Трудно. Все по карточкам. Хлеба очень мало.

Катя задумалась и вспомнила, как она и сестра вдвоем жили до войны.

– А у вас тут как? Слышала, в наступление скоро? – резко спросила Нина, так как лично убедилась, какой колоссальный урон врагу наносят «Катюши».

– Так точно. Сосед уже пошел. На днях и мы двинемся. Вон сколько самолетов летает, – она кивком головы указала в сторону окна. – Будет кровопролитная битва. На днях мне сон приснился, что стою у реки, а она красного цвета. Попробовала воду на вкус, а это вино.

– Вот еще выдумала! – засмеялась Нина, удивляясь словам подруги. – Врага надо брать его же методами: ошеломить и сломить, как учили наши полководцы Суворов, Багратион, Кутузов.

Стояла короткая, душная, рябиновая ночь с зарницами. Небо наполнено гулом самолетов и залпами выстрелов. Где-то вдали шел бой.

– Есть сведения, что «сосед» продвинулся километров на семь, – заговорила Катя.

– Вот-вот должны двинуться и мы, – снова прошептала Катя на ухо Нине.

Снаряжение у разведбатальона было простое: каждый взял плащ-палатку, немного хлеба и банку консервов. Кто-то прихватил пачку табака. Шли долго лесом, чувствуя прикосновение еловых веток к лицу.

Под ногами хрустели сухие сучья и мухоморы. Изредка встречались кусты малины. Сладкие спелые ягоды наполняли рот живительной влагой. Фашиста видно: остались следы отступления – мины. На разминирование уходило много времени. Пленный австрияк, вернее, перебежчик, заверял, что основные силы находятся в Польше. Нина вспомнила, каким заревом вчера было окрашено небо: фашисты жгли деревни.

«Неужели опять дадим им безнаказанно разорять наши города и села?» – подумала Нина.

«Не бывать этому», – поклялась она себе. К одиннадцати дня следующих суток дошли до ближайшего райцентра – Кореличи.

– Здесь проходил передний край нашей линии обороны. Нейтральная полоса: изломанный валежник, высокая трава, где можно спрятаться. Место болотное, – предостерег комбат. – Смотрите сюда, – он указал в сторону, – среди кустов убитый фашист.

– По всем признакам минер. Был сбит с воздуха, – объяснил кто-то из батальона.

Пистолет, найденный у фрица, отдали Нине, так как предыдущий пистолет она вернула перед отправкой в Саратов.

– Вот именно оружие. Если попадем в окружение, будете отстреливаться, – сказал при этом командир батальона.

– Так точно, – ответила Нина, разглядывая еще не успевшее заржаветь оружие.

Стали попадаться вражеские окопы, вырытые очень аккуратно: глубокие, узкие, на две доски, с водой. У огневых позиций в укрытии – разбитая пушка.

– Она противотанковая, – пояснил комбат. – Да, жарко было здесь еще месяц назад. Не хочет отползать фашист. Приказываю связистам смотать кабель, – скомандовал он, когда заметил на деревьях провода. – Возвращаться будем вечером. Сейчас самое время перекурить. Остановимся вот здесь, – он указал на разбросанный валежник и кусты. – Примем маскировочную позицию.

У Нины от длительной ходьбы гудели ноги. Она присела на бугорок и достала из вещмешка хлеб, сгущенку. Хотелось маминых щей и домашних пирожков. «Спасибо, что живы. Это Польша», – подумала она, глядя на устрашающий вид обгорелых полей.

Кое-кто из солдат стал сушить портянки. В кустах гукали птицы, перелетая с ветки на ветку. Разведчики после отдыха стали фотографироваться и потом двинулись дальше с расчетом вернуться назад.

– Пограничная деревня Гразынь уцелела, – тихие слова командира доносились эхом до каждого.

Они двигались молча, слушая только рядом стоящего, кто передавал слова комбата по цепочке. Раскрытые двери, куры в палисаднике. Людей не видно. С пригорка за селом видна окраина поселка. Блестит куполок церквушки...

– Это Спас-Деменск. Наши войска вошли в него сегодня в шесть утра.

...Вечерело, когда разведбатальон тронулся назад. Только перешли пограничный овраг, сразу успели сориентироваться. Вдруг услышали приближающийся гул бомбардировщиков.

– Воздух!

Все метнулись в разные стороны. Звонкий свист рассек воздух. Нина упала в канаву и припала всем телом к земле. Остальные сделали тоже. Невдалеке разорвалась бомба, и загорелся склад горючего, который фашисты не успели эвакуировать. Взрывной волной Нину откинуло в кусты. На минуту она потеряла сознание, но тут же очнулась и, обхватив голову руками, перевернулась лицом вниз. Со всех сторон слышались сильные взрывы и стрельба. «Живая», – пронеслось у Нины в голове.

В дивизию вернулись из разведки все. В последствии дивизия развивала наступление и преследовала гитлеровцев в направлении Бацевичи-Свислочь-Якшицы-Червень. В самом начале июля части вели бои в пригороде Минска, освободили район совхоза Апчак, Тростинец. Следом через день в районе города Дзержинск дивизия вышла из состава восьмидесятого корпуса и снова вошла в состав сорок первого стрелкового корпуса, где продолжала также настойчиво, решительно и целеустремленно преследовать отходящего противника. В результате смелых и решительных действий дивизия овладела райцентрами Кореличи, Новогрудок, Дятлово и многими другими населенными пунктами и перешла советско-польскую государственную границу. Этим успешным продвижением вперед дивизия содействовала освобождению города Волковыск.

Таким образом, участвуя в освобождении Белоруссии, дивизия пересекла территории четырех ее областей – Могилевской, Гомельской, Минской, Гродненской. В конце июля дивизия участвовала в освобождении польского приграничного города Белосток. Отличившийся в боях за этот город полк был удостоен почетного наименования «Белостокский». В период боев на реке Нарев, в конце сентября сорок четвертого за отличные боевые действия в борьбе с захватчиками дивизия получила «Орден Суворова 2 степени». Эта вторая награда еще больше воодушевила воинов, приступивших тогда к осуществлению великой освободительной миссии, выполнению своего интернационального долга – избавлению от гитлеризма народов западной Европы.

– Приказываю, командира роты, старшего лейтенанта Посквита, наградить званием героя Советского Союза, – сообщил Коновалов на заседании штаба.

Полк, в котором находилась Нина, был еще с лета полностью снабжен всем необходимым провиантом. Пленных, кого удалось освободить на территории Польши, накормили и дали всем обмундирование.

Страшно было смотреть на изможденные голодом и непосильным трудом лица. Польская земля полита кровью советских солдат. Каждый раз на утренней поверке после очередного боя недосчитывались лучших своих сынов.

– Не счесть подвигов, совершенных в боях за освобождение Польши. Капитан Березняк, майор Мирровский, старший лейтенант Яковенко, капитан Селезнев, лейтенант Шапошников навечно остались лежать в польской земле. Они вписали славные страницы в историю Гомельской дивизии. Завидную выдержку и хладнокровие демонстрировал комбат Косенко, – Коновалов стоял наверху так называемого постаменты, сделанного из валежника и старых избитых орудий германского происхождения, составленных вместе и покрытых брезентом и говорил громко, размахивая руками.

В то время дивизионная газета «На защиту Родины» писала о командирах: «Своих пехотинцев они водили в яростные схватки, применяя маневренность. Обходили врага, били по его тылам и коммуникациям, наносили ему сокрушительные удары».

Около деревни Елейки, в Польше, солдаты батальона Косенко в течение суток отбили двадцать вражеских контратак, но во время отражения одной из них были смертельно ранены.

Дороги, дороги. Сколько их было пройдено. Нине порой казалось, что она не сможет идти дальше сломается. Все было сказано Коноваловым во время его выступления перед дивизионом. Она увиделась в полку с Кузнецовым после возвращения из разведки. Они прошли вдоль окопной линии как это обычно делали раньше и молчали.

Свернули вглубь леса. Она понимала, что их прифронтовая весна еще впереди. Глубина переживаний, женские чувства, сомнения, тревоги, счастье быть любимой и желанной относились к мирному времени.

Они остановились около полуразрушенного, брошенного домика лесника или охотника и зашли внутрь. Было гораздо светлее, чем в блиндаже. В пыли, на полу валялась разбитая посуда. Стол был придвинут к стене, под ним стойка со старой летней мужской и женской обу-

вью, мелкие жучки копошились на полу. Паутина свисала с потолка, пучки засушенной травы, привязанные к притолоке, старые вещи, сваленные в кучу: сито, корзина, садовый инструмент, метла, сломанные детские игрушки, коробки из-под шляп, колыбель, на стене две маленькие картины в рамке с видами лесной природы. Нина подошла поближе, открыла коробку и увидела в ней старинную дамскую шляпку.

– Какой красивый фасон! – она сняла пилотку, кудри упали на плечи и надела шляпу на голову. – Можно прогуляться в ней, – она подняла с пола осколок зеркальца и посмотрелась. – Нравится?

Кузнецов увидел себя в качестве кавалера, подошел ближе и поцеловал Нину. Она скинула шляпу с головы и положила назад в коробку.

– Перестань, идем отсюда, – Виктор взял Нину за руку, и ему показалось, что впервые ощутил ее тонкие, длинные пальцы, маленькую ладонь, нежную гладкую кожу, его чувства обострились, и он вздохнул.

– Останемся здесь, мне все напоминает прежнюю, мирную жизнь, сбегим. Здесь можно прятаться. Вот посмотри, это пяльцы, я умею вышивать, – Нина подняла с пола круг, состоящий из двух деревянных колец, вставленных одно в другое. – Наверно, здесь тоже прятались партизаны!

– Вероятно, ты права, – ему нравилось смотреть, как Нина любит ветхими вещами, как призраком прошлых, безмятежных дней.

– Занеси сейчас в свой планшет, – она кокетливо улыбнулась. – Моя мама научила меня всему, что может пригодиться в хозяйстве, могу даже корову доить.

– Так точно, – Кузнецов стряхнул пыль со стола на пол и положил планшет на дощатый, со щелями стол.

Он нарисовал пограничную территорию, два заведения, у которых им так хотелось остановиться, но машина с ранеными проехала дальше. Возможно, в этих заведениях тоже были госпиталя, поэтому все окна были завешаны простынями.

Пометил ярко крестиком штаб, местность. Примерно рассчитал, сколько километров от дороги и обозначил этот домик лесника рисунком. Они пробыли там еще несколько минут.

– После твоего возвращения из дома ты не разу не приходила ко мне на свидание, – Виктор укоризненно посмотрел на нее. – Ждал тебя каждый день, но очень был занят солдатскими проблемами.

– Так точно, мы же постоянно на службе, – ее слова внесли ясность.

Умом он понимал, что на войне нет места для встреч и любви, но его чувства говорили ему обратное. Их страстные поцелуи и нежные объятия, изголодавшиеся по естественному желанию, взяли верх над разумом. Руки сами искали, губы снова ощущали ее грудь, плечи, шею. Они стояли у окна без занавесок. Их стремления совпадали. Полет мысли унес их на планету Венеру, покровительницу влюбленных.

– Поделим с тобой все несчастья, Нина, – Виктор отшатнулся от окна, так как увидел тени людей с автоматами быстро перемещающихся в противоположном от них направлении, на них были камуфляжные костюмы. – Спрячься!

Нина села на топчан в дальнем углу хибары и подогнула под себя ноги. Ей хотелось бежать из этого мира страха и ненависти. Она взяла в руки пистолет и ощутила холод металла. Виктор сел рядом и они обнялись.

– Успокойся! Они прошли мимо, – его рука лежала тоже на открытой кобуре. – Мы в засаде.

– Все тихо, – произнес Виктор, когда подошел снова к окну.

Они встали с топчана и тем же путем вернулись в санчасть дивизии.

Освобождение пленных

Весь декабрь и январь Гомельская дивизия медленными шагами продвигалась вперед с временными успехами.

В некоторых селениях оставались по неделе, а то и по две. До государственной границы было еще далеко.

Морозное февральское утро было тихим и не предвещало ничего. Кружево деревьев, стоящих в инее и синеве перелесков – все словно замерзло на время.

Вдруг мощный удар артподготовки заставил фашистов немедленно сосредоточить силы. Большая группа советских солдат в этот момент между деревнями Залазье и Нижняя Тощица просочилась сквозь вражескую оборону, и на другой день вышла в расположение партизанского отряда, которым командовал Киселев.

– Спасибо за важные сведения, – поблагодарил подполковник Кувшинников разведчиков, взял радиопередатчик и скомандовал: – Срочно соедините меня с командиром оперативной группы Федяченко.

– Так точно, Федяченко на связи.

– Киселев передает: враг оттеснен, можно наступать.

Через день отдельные группировки дивизии совершили маневр и, отбросив врага после молниеносной атаки в районе деревни Дедово, соединились с частями Красной Армии.

Вместе с партизанами из блокады вырвались несколько тысяч местных жителей.

Спасенные люди со слезами на глазах благодарили своих освободителей.

– За образцовое выполнение боевого задания вручаю отважным разведчикам ордена «Красной Звезды» и предоставляю каждому по десять суток отпуска, – сообщил перед всей дивизией полковник Пуховский.

Начались учения в лесисто-болотистой местности. Новенькие быстро осваивали основные навыки. Приезд Нины в дивизию почти совпал с возвращением из госпиталя Коновалова, который сразу же вступился в работу по подготовке к летнему наступлению.

– Не исключено, что гитлеровцы могут предпринять активные боевые действия против соединения. Требуется укрепить оборону, наращивать силы и средства, – докладывал Коновалов на заседании командиров.

– Вся нагрузка ляжет на матушку-пехоту, – учил начальник политотдела Коваленко, он знал, что нужна политическая работа, а с помощью радиосредств – агитация среди гитлеровских солдат.

Операции ждали, к ней готовились все без исключения бойцы и медработники.

Подготовили, тщательно укрыли и замаскировали огневые позиции орудий прямой наводки. На наблюдательных пунктах круглосуточно дежурили офицеры.

– Приказываю на переднем крае, на высоких деревьях сделать площадки для пулеметов, – скомандовал комдив. – На врага, затаившегося в траншеях, огненный смерч обрушится сверху, предоставит нам свободный проход!

– Так точно, а для наблюдательного пункта комдива соорудим вышку наподобие пирамиды или холма высотой двадцать два метра, каркас которой будет засыпан песком, – предложил идею Кузнецов.

Он тщательно нарисовал чертеж вышки на бумаге и вручил Коновалову. Свое прямое назначение вышка выполнила, выдержав все огневые налеты врага. Бойцам дали день отдыха. Накануне наступления провели силовую разведку в направлении деревни Гута Романятская.

– Противник не изменил расположения своих войск, – доложил бывший партизан Томашов Коновалову на заседании штаба. – В ночь перед наступлением батальоны выдвинулись на исходный рубеж! За двое суток до этого заняли свои позиции артиллеристы и минометчики.

В конце июня сорок четвертого в три часа начался штурм узла вражеской обороны в Хомичах. Он стал составной частью операции «Багратион». Атаке предшествовал мощный огневой налет.

– Одну стрелковую роту третьего батальона полка направить в обход с севера, двум другим наступать во втором эшелоне за правым флангом первого батальона, – скомандовал Коновалов.

Одновременно вражеские позиции начал обрабатывать огнем слева восьмидесятый корпус. И пошли в атаку батальоны... Ошеломленный внезапностью, противник вначале оказывал серьезное сопротивление. К десяти часам войска овладели центром деревни, а к тринадцати часам заняли всю. В многочисленных траншеях еще продолжались рукопашные схватки с применением красноармейцами приемов самбо и джиу-джитсу, которые Кузнецов и другие командиры отрабатывали перед наступлением.

Часть сил занималась героической ликвидацией заблокированных дзотов.

Полковая артиллерия смогла быстро продвинуться, а дивизионная – стрелять с закрытых позиций, чтобы не поразить своих, и вела огонь по глубине вражеской обороны. В пятнадцать часов гитлеровцы ввели в бой резервы. Соотношение сил стало меняться в их пользу.

– Приказ: перегруппируйся, готовь к продолжению начатого наступления, – приказал комдив через час диспетчеру подполковнику Кузнецову.

После этого противник многократно атаковал огневые позиции, но каждый раз был отбит. Трижды контратаки переходили в рукопашные схватки, из которых бойцы и командиры выходили с победой. Настала ночь.

Фашисты прекратили контратаки, отодвинулись на запад. Они оставили после себя лагерь военнопленных. Там выжили только шестьдесят два человека. Остальные умерли от холода и голода. В лагере царил режим повиновения. Все пленные должны были сами добывать себе пропитание.

Но в зимних условиях сорок четвертого никакого пропитания не было, а то, что завалилось с осеннего урожая, фашисты отняли, так как они тоже были голодные. Остались в живых только женщины и трое детей. Они были такие изможденные, что их здоровье ослабло. Вскоре двое из детей умерли, а женщин перевели на довольствие. Они прожили долго в партизанском отряде.

Измученные и голодные матери с радостью встречали освободителей. Их перевезли в госпиталь, где прошли реабилитацию и вскоре вернулись в строй полноценными солдатками. Они сражались на фронте до конца войны.

Старший лейтенант, азербайджанец Азизов познакомился с русской девушкой Верой. Они сыграли свадьбу, где присутствовала вся дивизия. Накрыли столы в лесном партизанском отряде, и солдаты пили за победу.

– Ура, победителям! – слышалось на всех языках и наречьях, когда только в первый день боя войска восьмидесятого корпуса продвинулись на главном направлении на глубину двенадцать километров.

– Причина успеха, – докладывал на совместном заседании штабов Коновалов, – падение узла сопротивления в Хомичах. Другие войска должны вклиниться в оборону противника только на следующий день.

Гитлеровцы дрались на смерть, используя все средства и методы борьбы, упорно оказывая сопротивление. Вместо деревень они оставляли обгорелые трубы, развалины и пепелища.

– В советских солдатах Гомельской дивизии кровь клокотала от ненависти к фашизму. Наши потери таковы – тридцать человек убитых, свыше двухсот раненых. Нужна техника для переброски в тыл, – сказал Быховский, начальнику санслужбы дивизии Таланову. – Махорку надо взять на складе и раздать всем без исключения солдатам. Наши папиросы плохие.

Таланов внимательно изучил списки погибших и обнаружил, что там нет никого из тех, кто лежал в госпитале около Мценска, значит, это были совершенно новые молодые добровольцы, которые были призваны в январе сорок четвертого. Такие тяжелые воспоминания часто появлялись у всех тех, кто служил в этой дивизии и знал, что из первого боя на западном направлении редко кто возвращался живым.

– Дадим технику, можете не волноваться. Снарядим сопровождающего санинструктора или фельдшера всем необходимым. Задача: упредить продвижение врага, – ответил Таланов, так как он нес ответственность за состояние всех боевых снарядов. – У противника большие потери. Дивизия захватила много техники, в том числе и тяжелые орудия.

Дни шли за днями, а от Ивана в родной Саратов не было ни писем, ни других сообщений. Анна потеряли счет дням.

Однажды Кузнецов пригласил Нину к себе и сообщил ей, что он знает, что об их семье написал какой-то журналист в их местной газете под заголовком «Есть такая семья», но подпись поставил в качестве псевдонима.

На что Нина ответила смехом и упреком, что это обычное дело, когда о маме кто-то пишет добрые слова.

– Мои поздравления твоему брату, – сказал Кузнецов и протянул Нине газету, – он получил орден по линии Минюста за проведение операции по обезвреживанию противника в тылу врага.

– Так точно, – Нина чуть не разрыдалась, она решила написать письмо маме и сообщить об этой радостном известии. – Поздравь его от меня. Его разведподразделение было внедрено в тыл противника. Наши успехи сопоставимы с достижениями всех родов войск!

– Обязательно передам твою просьбу в центр, а вот собственно и радиграмма от него, когда он был в Ельни, – Виктор внимательно изучил лист, на котором была написана радиграмма, которую тот передавал в течение целого дня и ночи во все подразделения армии и о своем намерении внедриться как можно скорее во вражескую разведгруппировку.

На что командование Белорусским фронтом отреагировало положительно.

– Точно так, – Нина опешила, когда увидела у Кузнецова на столе радиграмму от брата Вани. – Приходи сегодня в санчасть, мы обсудим этот его маневр. У нас есть... – Нина замялась, ей нечего было предложить подполковнику, но она вышла из положения. – Примерно в восемь часов вечера, когда мы обойдем с тобой все окопы.

Граница Польши

Они пересекли границу Польши. Нина решила найти ту самую приграничную территорию, о которой ей рассказывала мама, о чем ей поведал Иван, где он познакомился со своей будущей женой – Эльзой.

Но они проехали на грузовике с санчастью мимо этой приграничной территории вечером. Она видела эти два заведения «Эссен» и «Гер Хаус», но никого на пороге. По-видимому, здесь уже побывали до них фашистские оккупанты. Здания были закрыты. Однако на первом этаже гостинице горел свет.

Она написала в своем дневнике, что этот вид напоминал ей старый заброшенный довоенный мир, когда они с семьей путешествовали по Белоруссии в приграничной зоне и днем через границу видели шикарный отель и магазин с большим количеством людей вокруг.

Значит, отель пришел в упадок, а магазин закрылся в силу обстоятельств. У Нины была точная информация, что Ваня поехал в Польшу для наведения связей со своим подразделением разведгруппы Абвера. Она представила его в фашистской форме и испугалась, потому что знала его способности к перевоплощению и умению общаться на иностранных языках. Ранение

изменило его внешность, но внутреннее содержание осталось прежним. Это было наилучшим решением его проблемы по внедрению в стан противника.

Он прекрасно знал информацию относительно всех концентрационных лагерей, которые они должны были закрывать в короткие сроки, и это даже было хорошо, что у него был пропуск в ставку командования. Вся информация стекалась туда, и он мог передать в центр свои донесения относительно решения ликвидации этих лагерей смерти.

За короткий срок в его распоряжении оказались собраны все радиogramмы и донесения младшего состава разведгруппы, что их намерения расквартировать пленных могло носить чисто тривиальный характер.

Беспросветная мгла абверовских коридоров власти теснила грудь Айвану Мельцу и начал готовить себя к ликвидации своего единственного свидетеля, который случайно видел, как он передавал радиодонесение в ставку.

Для упразднения этого концлагеря требовалось много внимания и сил, поэтому каждый член разведгруппировки имел свое собственное задание по ликвидации тех агентов Абвера, кто протоколировал эти донесения и передавал каждый день в гитлеровскую группировку противника свои комментарии данной операцией.

Со дня его появления у Абвера вся грязная работа по ликвидации контрагентов ложилась на плечи Мельца. Его внешность прямо соответствовала жестокости фашистского палача, шрамы на лице говорили о темном прошлом и желании продвинуться по крутой лестнице вверх.

Разобщенность работы позволяла ему начать действовать самостоятельно и решать вопросы с приставлением к награде своих подчиненных, за что он получал гитлеровское вознаграждение в виде пайка с лососиной и продуктами хладокомбината: молока, сыра, сметаны, яиц и даже иногда мяса. Эти продукты он пересылал своим разведчикам, и те переправляли их в центральное управление лагерей как дополнительное питание служащим по ликвидации этих «исправительных» учреждений.

Поскольку они были приняты без расписки, то и выход людей из лагеря тоже шел обычным путем, через входные ворота в качестве работников склада или служащих столовой, которые несли ответственность за состояние своих подопечных лагерных товарище по подпольной работе. Эти меры предосторожности никогда не помогали, а только ухудшали работу Мельца.

Но шоколад с орехами или сгущенка всегда поощряли его для дальнейших шагов по работе с каждым из разведгруппировки в отдельности.

Он заставил своего напарника подписать донесение относительно заказа приборов на измерение давления, как экзекуционного опыта над военнопленными.

На что этот агент был расстрелян самим Мельцем, он показал своим подчиненным эти приборы, и те сделали соответствующие выводы о значении таких устройств при наличии соответствующего денежного содержания. Маскировочные тренировки дали ему возможность спрятать труп между дровами в его собственной квартире, а потом сжечь в обычной печи. После такого трудного задания, которое у него отняло часа четыре, Мельц был ликвидирован тоже и отослан из Праги.

Когда и где проходило решение основных вопросов по ликвидации лагерей в Бухенвальде, Польше? Его брат Шура в то время проходил со своими танковыми бригадами в качестве командира танковой роты и открыл ворота лагеря смерти прямо на глазах у Айвана Мельца в форме фашистского уголовника. Собственно, так продолжалось постоянно, где бы ни бывал Иван, там происходило решение насущных военных вопросов семейного характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.